

Борисов А. И.

УДК: 340.115 : 340.12

старший преподаватель кафедры

*Общеземанитарных и гражданско-правовых дисциплин Кировского филиала
Академии Федеральной Службы Исполнения Наказания России*

ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ КОНЦЕПЦИИ И АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Как и любой вид человеческой активности, юридическая деятельность весьма многообразна и имеет множество различных аспектов. Здесь существуют своё творчество, особые утверждения, исполнения и поддержания. Все эти формы пронизаны специфическими коммуникациями профессиональных юристов и обычных граждан. И всё же данную конкретику можно вполне правомерно разделить на две области - правовую практику и юридическое познание. Если первое концентрирует в себе все действия "материального" характера, то второе вбирает в себя всё то, что делает сознание. Само собой разумеется, что такое разделение условно и относительно, однако без него не возможен никакой научный анализ. Неимоверно сложную правовую жизнь следует сначала свести к абстракциям и только через их рациональную сеть можно будет понять реальную конкретику.

Когда понятие "юридическое познание" легитимировано, оно требует дальнейшей аналитической работы. Речь идёт о познании правовых явлений, которые противопоставлены сознанию в качестве объектов, то есть того, что изучается и понимается. Такая схема требует должного уточнения методологии идей, которые дают представление о том, как происходит познание. В своё время английский философ Ф. Бекен указал на основную трудность учёного-исследователя, который решил обратиться к ресурсам философской

мудрости. В ней представлены различные учения и в этой ситуации множества "пьес" царит неопределённость выбора определённого "спектакля". Хотя бекеновская оценка "идола театра" в целом наивна, она фиксирует внимание на реальной трудности учёного, стоящего перед выбором оптимального метода.

В современной правовой науке тема "идолов театра" весьма актуальна. В этом отношении примечательны рассуждения профессора МГУ им. Ломоносова Б. И. Путинского. Он исходит из тезиса, который разделяют почти все отечественные правоведы. Общая теория права с необходимостью определяет идейные основания всех видов отраслей права. Какая же философия господствует здесь? В XX веке ситуация сложилась так, что господствующей парадигмой в философии и науковедении становится позитивизм. Именно под влиянием его идей формировалось правопонимание на Западе и в России. Закономерным продуктом чего стала нормативистская концепция - право есть система юридических норм. Теоретическая ущербность нормативизма нашла свое практическое выражение в 90-е годы, когда Федеральное Собрание принимало бесконечную череду законов, но это не исправляло правовой хаос. Предложение Б. И. Путинского однозначно: юридический позитивизм нужно заменить философски обоснованной концепцией права [1]. Симпатии автора, казалось бы, вполне определённые, он отдаёт предпочтение

деятельностному подходу, который способен объяснить все акты создания и применения правовых норм. В философии разработаны разные варианты общей теории деятельности (Аристотель, К. Маркс, Г. П. Щедровицкий, В. П. Садовский и др.). Соответственно требуется разработка соответствующих версий, учитывающих специфику правовой деятельности. Вот этот уровень частной методологии, по мнению автора, как раз и не реализуется за редким исключением [2].

Данный тезис, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Действительно существует много различных вариантов общей теории деятельности. При этом выбор наилучшей концепции предполагает оценку достоинств и недостатков. Главным критерием теории здесь должны быть наличие двух дополнительных свойств: 1) высокая исходная абстрактность и всеобщность схемы (где представлены только основные элементы деятельности в их самом общем и "чистом" виде); 2) способность схемы к конкретизирующему развитию и доведению её до самых частных форм активности. Нам представляется, что данному критерию в наибольшей степени отвечает технологическая концепция интеллекта В. Ф. Юлова, где в качестве исходной предпосылки признаётся ведущая и системообразующая роль интеллекта в любом типе познания. Несмотря на то, что психологи до сих пор дискутируют возможность единого интеллекта у человека, мы присоединяемся к мнению В. Ф. Юлова убежденного в необходимости признания ещё более широкого образования. В данном случае речь идёт об интеллекте, представляющем всю область жизни. Так, если "древо жизни" совпадает с "древом познания", то, стало быть, существует сквозной и единый орган познания. С позиции эволюционной эпистемологии наиболее предпочтительным кандидатом на его роль может быть только интеллект. Под понятием интеллект предполагается способность

любого организма превращать информацию (упорядоченные структуры) внешней среды в знания и использовать их для поддержания жизни. Также представление открыто для объяснения всех форм знания и познания. Если сенсорная чувственность (модальности цвета, звука и т.д.) участвует в процессе познания, то делает она это под эгидой интеллекта, именно он придаёт чувственным знакам рациональные значения, конституируя тем самым эмпирические знания. При этом детерминирующая роль интеллекта во всех видах теоретической активности очевидна.

Главное достоинство технологической концепции состоит в том, что деятельность интеллекта представлена в виде ясного и понятного способа производства знаний. В. Ф. Юлов развил здесь идею Аристотеля о наличии трёх обязательных элементов: "предмета" - "средства" - "результата". Комбинация "средство" - "предмет" - "результат" образует схему любого способа деятельности. Интеллект внёс в неё лишь содержательную специфику. Требования к предметному блоку минимальны, его содержание чувственные впечатления рецепторного плана и знания описательного характера. Роль "предмета" относительно пассивна, он представляет тот материал, который подлжит трансформации. Эти преобразования совершает метод как интеллектуальное средство и его активность обусловлена высоким качеством знаний (общие когниции, правила и операции). Воздействие метода на предмет ведёт к превращению последнего в значимый результат. Такой способ структурирования интеллекта универсален и лежит в основе всех форм познавательной деятельности [3].

В технологической концепции деятельностный подход органически дополняется должной аксиологией. Оказывается, не только человеческое бытие строится на основе разнообразных ценностей (прагматических,

духовных и т.д.), но и познание невозможно без своих ценностных ориентации. Действительно, как возможны "предметный" и "инструментальный" блоки в способе познания? Для их формирования необходимы соответствующие образцы: "что считать идеальным (нормативным) предметом" и "что признаётся нормативным методом". Два вида норм - предписаний и определяют характер двух видов актов выбора. Их очерёдность очевидна. Сначала следует установить предмет познания, т.е. выбрать должное из реально существующего или спроектировать его с учётом объективных возможностей. Здесь действуют нормативные образцы предмета, различные для практики, науки и мировоззрения. После этого наступает время действия норм метода, которые помогают субъекту выбрать нужные компоненты для должного средства. Конституирование метода позволяет применить его к предмету как к системе ментальных репрезентаций и трансформировать его в исходный результат. Л. А. Микешина полагает, что ценностное отношение противостоит познавательному отношению [4]. С таким мнением мы не согласны, так как относительно простое размышление и некий здравый смысл свидетельствуют в пользу того, что оценивание протекает внутри познавательного процесса. Два акта оценки (предметный и познавательно-инструментальный) подготавливают условия для осуществления той конструктивной процедуры, которая преобразует предмет в результат. Всё это делает когнитивную оценку и рациональное конструирование двумя дополнительными процедурами единого процесса познания.

Взаимосвязь оценки и конструирования реализуется в двух основных видах человеческого познания - опыте и мышлении.

Если опыт относительно прост и исторически древнее, то мышление сложнее и характерно для высоких форм культуры.

Основными формами эмпирического опыта являются ощущения и восприятия. Любого индивида всегда окружает природно-социальная среда. Многообразие её стимулирующих воздействий наша чувственность перерабатывает в сенсорные впечатления разных модальностей. Уже начиная с внутриутробного существования, каждый индивид учится различать внешние и внутренние стимулы. При этом, вырабатывая пробные эталоны и выстраивая субъективные шкалы оценок, мы ошибаемся, вносим коррективы и рано или поздно добиваемся успешной ориентации в среде. Но одной чувственностью эмпирический опыт не ограничивается, важную и необходимую роль здесь играет интеллект. Тем или иным выделенным впечатлениям как чувственным знакам он придаёт определённые рациональные значения. В результате ощущаются и воспринимаются специфические предметы: "заключение договора", "преступление" и т.д. Американский когнитивный психолог Дж. Брунер назвал процедуру придания интеллектом впечатлениям значений "категоризацией". Эта операция весьма далека от логических заключений разума, ибо избирательное отнесение впечатлений к некоторому классу предметов достигается за счёт накладывания общих образов или знаний ("договор", "деяние") на сенсорные данные. Когда мы сталкиваемся с совершением определённого запрещённого деяния, то зрение лишь выделило его среди других предметов, поставив немой вопрос "что это такое?". Наложив категорию "преступление", интеллект ответил на этот вопрос определённым восприятием [5].

Опыт является плавной школой жизни. Как животные, так и человек приобретают эмпирические знания посредством научения.

В этом обучении органично сочетаются старое и новое, традиция и новация. У своих истоков любые ощущения и восприятия проходят стадию проб и ошибок. Те или иные впечатления от новых объектов сначала для нас расплывчаты и не определённые, но через серию повторений мы уверенно их идентифицируем. Вместе с однозначной оценкой "предмета" формируется её определённое значение, проходя стадию пробных прикидок. Затем в дело вступает психика, повторяющиеся ощущения и восприятия (которые привели к успеху), которые психика закрепляет в виде ментальных привычек. Опыт начинает себя проявлять в виде действенной упреждающей установки, когда от некоторой типичной ситуации ждут определённых впечатлений и однозначных значений. Такие ожидания в психологии называются "апперцепциями". Подобная динамика характерна и для правовой деятельности. Так юристы - практики за годы своей деятельности приобретают соответствующий профессиональный опыт. Именно он лежит в основе успешной деятельности судьи, адвоката, следователя и т.д. Так именно опыт позволяет правоприменителю сориентироваться в сложной ситуации и принять то или иное верное решение. Например, очень часто судья, при вынесении решения по сложным делам, не урегулированным конкретной нормой, применяет для разрешения конкретного дела аналогию права. При этом он интуитивно руководствуется принципами права, используя их как метод познания и разрешения юридического конфликта [6].

От опыта существенно отличается мышление. Для ощущений и восприятий характерна быстрота действия органов чувств и интеллекта. Как только появляется значимое впечатление, наш разум почти мгновенно производит с ним категоризацию. В этой скорости и заключается эффективность

привычек и навыков, для которых различение предмета и установление его познавательного значения свёртываются в краткий акт. Здесь сразу всё ясно, думать нечего, а надо действовать. В мышлении же всё происходит наоборот. Тут внешнее действие прекращается и наступает та пауза, в которой надо думать. Вместо одного действия развёртывается несколько актов: 1) конституирование предмета; 2) нахождение должного метода; 3) применение метода к проблеме; 4) установление истинного характера полученного результата. Если третий акт конструктивно преобразователен, то все остальные являются ценностными и осуществляются по триадной технологии: нормы - предмет - результат. Хотя в правовой деятельности имеют место практический (вынесение судебного решения), мировоззренческий (размышления о правовых идеалах и т.п.) и научный (дискуссии на уровнях общей теории права и отраслевых юридических дисциплин) виды мышления более подробно в своей работе мы остановимся на научном виде мышления.

Акт научной проблематизации центрируется вокруг исследовательских результатов. В качестве предмета оценивания здесь выступают наличные результатные формы знания, которые имеются в данной научной дисциплине. В роли метода оценивания фигурируют сложившиеся идеалы общенаучного и уровняго характера. Применение данных норм к предмету оценки позволяет выявить те или иные отклонения от образцов, что и становится содержанием научной проблемы. Современная наука располагает рядом общенаучных норм по отношению к результатным формам: идеал когнитивной связи, норма логической непротиворечивости, идеал простоты теории, принципы соответствия нового знания фундаментальным основаниям и т.п. Когда юристы стали оценивать имеющееся законодательство через призму

идеала связности, то это и дало знаменитую проблему синтеза: выделение при кодификации общей части. Каждый общий идеал имеет уровневые модификации. Так, норма связности по-разному действует в отношении научных фактов, эмпирических обобщений и теорий. Если для факта достаточно связи с эмпирическим законом (норма объяснения), то нормативность теории предполагает ряд специфических требований (непротиворечивость, связь с эмпирическими законами, минимум гипотез *ad hoc* и т.п.).

После проблемности наступает пора потенциального метода. В этой ценностной процедуре участвуют как общенаучные, так и дисциплинарные образцы. К первым можно отнести гносеологическое понимание структуры метода: теория (идея, принцип), правила, операции. Такая модель специфицируется более определёнными требованиями, диктуемыми конкретной поставленной проблемы и дисциплинарными нормами. Если речь идёт о биологической задаче, то в качестве теории здесь может быть привлечена современная теория эволюционизма или молекулярной генетики. Весьма богатый перечень правил, которые можно привлечь к решению проблемы - "бритва Оккама, "золотое правило Ч. Дарвина (тщательнее зафиксировать те факты, которые противоречат собственной гипотезе), "призма Менгера" (разлагать кажущуюся простоту на скрытые составляющие и т.п.). Ценностные нормы играют определяющую роль в формировании научного метода.

Последняя ценностная процедура связана с оценкой полученного знания - результата на истинность. Как предмет он оценивается теми же идеалами, которые фигурировали в процессе проблематизации. Различие состоит в разных целевых установках: если в начале исследования важно выявить то или иное отклонение от образцов,

то в конце познавательного цикла учёные ориентируются на то, должным ли образом эти деформации устранены. Удостоверение истинного характера определяется конкретной формой результата, а она варьируется от научного факта до фундаментальной теории. Соответственно меняются идеалы оценивания [7].

Приведённые теоретические рассуждения особенно рельефно проявляют себя в рамках реализации соответствующих рефлексивных процедур. Так, при построении соответствующих криминалистических моделей расследования преступлений будь то программно-целевой метод, метод функционального или факторного анализа, либо на всех этапах, от выбора общей стратегии исследования, выдвижения версии и до произведения конкретных следственных действий, свой гносеологический потенциал черпает из выбранной методологии. Примером, иллюстрирующим приведённый тезис, может явиться использование аркетилической феноменологии, как метода, при расследовании гомицидальных преступлений. Специфика гомицидальных преступлений состоит в том, что возникновение, формирование преступного умысла, подготовительные действия субъекта, принятие решения и сам процесс убийства подчинены неодолимому воздействию гомицидальных архетипов. Особенности гомицидальной агрессии определяют частоту, периодичность насильственных убийств, выбор способа убийства, используемые орудия, характер повреждения, а так же специфику гомицидальной жестокости. Кроме того, при гомицидальных убийствах криминалистическая картина последствий на теле жертвы характеризуется множественными повреждениями, имеющими акцентированный характер. Гомицидальная психическая агрессия оставляет свои следы в последствиях на теле потерпевших через аркетилические смыслы жестокости, которые условно можно разделить

на две подгруппы: 1) Символику жестокости формируют ситуационно-реактивные факторы. Характер этого типа последствий подразумевает смыслы, вытекающие из ситуационного конфликта; 2) Символику гомицидальной жестокости формируют более глубокие, чем в первой группе, инстинктивно-архаические механизмы - гомицидальные архетипы [8].

Знание архетипической феноменологии помогает распознать их мотивационную гомицидальную доминанту насилия и убийств, которая нередко зашторена ситуационно-реактивными мотивами. В частности, сопоставление ряда гомицидальных убийств, позволяет говорить о том, что, как правило, гомицидальные убийства в развитии проходят четыре этапа, определяющие сценарное преступное поведение гомицидомана - имитатора моделируемое универсальным архетипическим стереотипом. Знание этих особенностей позволяет при расследовании конкретных преступлений, еще на стадии фиксации следов преступления и планирования расследования выбрать соответствующую модель.

Итак, процесс оценивания присущ всем типам познания. Его универсальной и деятельностной технологией выступает

композиция из пассивного предмета и активных образов - образцов, что и даёт оценку результат. Практика, мировоззрение и наука придают актам оценивания универсальный, но специфический характер.

Перечень использованной литературы:

1. *Лузинский Б. И.* Понимание права с позиций современной цивилистики / Б. И. Лузинский // Правоведение. - 2007. - № 6. - С. 6-7.
2. Там же. - С. 9-12.
3. *Юлов В. Ф.* Мышление в контексте сознания / Юлов В. Ф. - М., 2005. - С. 103-139.
4. *Микешина Л. А.* Эпистемология ценностей / Микешина Л. А. - М., 2007. - С. 316.
5. *Брунер Дж.* О перцептивной готовности / Брунер Дж. // Психология ощущений и восприятия - М., 2002. - С. 164-170.
6. *Дедов Д. И.* Юридический метод / Д. И. Дедов. - М.: Волтерс Клувер, 2008. - 160 с.
7. *Юлов В. Ф.* Научное мышление / Юлов В. Ф. - Киров, 2007. - С. 27.
8. *Иванов В. И.* Особенности гомицидальной жестокости при совершении убийств / В. И. Иванов // Труды СПб ЮИ ГП РФ. - 2003. - № 5. - С. 146.

